

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ.

Въ салонъ-вагонъ курьерскаго поѣзда, за изящными легкими столиками, сидѣла блестящая компанія бывшихъ офицеровъ полка, занимающихъ высшія командныя должности, затыгиваясь послѣ сытнаго завтрака душистыми струями Гаванны и обмѣниваясь задушевными воспоминаніями о промелькнувшей, какъ сказочный чарающій сонъ, полковой товарищеской жизни.

— Несомнѣнно, господа, говорилъ молодой, бодрый генераль-лейтенантъ, оправляя лѣвою рукою свою маленькую акуратно подстриженную черную бородку и обращаясь къ видному сѣдому генералу и къ большой группѣ многочисленныхъ однополчанъ, съ двумя полковниками генеральнаго штаба впереди,—хорошее это, славное бывшее время, и у меня остались самыя лучшія и свѣтлыя воспоминанія.

— Да, хорошее прошлое, славное прошлое.... задумчиво, какъ бы перебирая въ памяти пронесившіеся воспоминанія, отвѣчалъ сѣдой генераль. Я съ особымъ удовольствіемъ ѣду въ полкъ, еще разъ пережить въ нашей полковой гостепріимной семьѣ полковныя имянины....

— Я замѣчаю, ваше высокопревосходительство, вставилъ сидѣвшій поближе къ генералу полковникъ генеральнаго штаба (родной братъ нашего капитана, рота котораго снова выбила дивизионный призь за стрѣльбу), что съ каждымъ махомъ колеса, съ каждымъ оборотомъ его, приближающимъ насъ къ N, въ сердцѣ моемъ встаютъ все новыя и новыя воспоминанія....

— И мнѣ кажется, говорилъ полковникъ, что я снова офицеръ полка, что я даже не уходилъ въ академію, а только былъ, какъ бы въ продолжительномъ отпуску; такъ дѣйствуетъ и теперь уже все окружающее на меня, все наше родное, полковое, близкое.... Горячо стремлюсь я на нашъ полковой праздникъ, въ великіе дни годовщины славнаго участія полка въ Отечественной войнѣ, когда память Островно, Бородина и другихъ незабвенныхъ событій минувшей години блестятъ звѣздой путеводной для новыхъ на всѣ времена.

— Да, да, такъ, такъ....

— Ты словно подслушалъ біеніе нашихъ сердецъ, выразилъ наши мысли.

— Славно, сказалъ сѣдой генераль.

— Несомнѣнно господа, это такъ и, въ памятные дни величайшей для родины и полка войны, особенно дорого и близко полковое единеніе и всегдашняя готовность къ новой грядущей войнѣ.

— Вѣрно, Александръ Алексѣевичъ, сказалъ вдругъ, словно помолодѣвшій сѣдой генераль: позвольте позжать вашу руку.

— Не разрѣшите ли, ваше высокопревосходительство, подчеркнуть эту минуту и осушить полную чашу за полкъ, за нашъ старый, родной полкъ! вставъ, доложилъ полковникъ А. и сдѣлалъ рукою знакъ татарину-лакею, почтительно стоявшему у входа въ занятое ими отдѣленіе.

Внесли шампанское.

— За полкъ господа!

— За нашъ полкъ!

— За славную годовщину войны! Ура!...

А въ пыльномъ вагонѣ III класса почтово-пассажирскаго поѣзда, черепашинымъ шагомъ приближавшагося къ другому вокзалу города, на деревянной скамьѣ, сидѣлъ маленькій, сгорбленный, ветхій старичекъ въ сѣромъ чистенькомъ пиджакѣ съ орденской ленточкой въ петлицѣ.

Морщинистое лицо его казалось окаменѣлымъ, такъ оно было неподвижно и мертво и такъ напряженно и тускло смотрѣли его

глаза на увѣшанную всѣми 4 степенями знака отличія военнаго ордена за японскую войну грудь внука его, станціоннаго жандарма, тоже бывшаго солдата нашего полка.

Вдругъ лицо его оживилось, глаза освѣтились тихимъ, внутреннимъ свѣтомъ и онъ обратился къ своему сосѣду, запасному унтеръ-офицеру, бывшему однополчанину, сравнительно молодому еще человѣку, безъ кисти лѣвой руки:

— Такъ ты говоришь, что руку, кисть-то, еще до войны съ японцами потерялъ?

— Такъ точно, дѣдуся, такъ точно; за годъ до самой войны отрѣзало поѣздомъ, какъ служилъ я стрѣлочникомъ.

— Василий Гринь, дѣдушка, перебилъ рассказчика бравый унтеръ, крушеніе поѣзда предотвратилъ, самоотверженный человекъ, и медаль за спасеніе погибающихъ имѣеть.

— Вотъ какъ, сердешный!

— А чтоже ты, внучекъ, сразу-то этого мнѣ не сказывалъ, какъ въ вагонъ поѣздали? Оно бы много дороже было.

— Да я, дѣдушка, разовъ пять-шесть поди вамъ это сказывалъ, да вѣрно позабыли, почтительно отвѣчалъ внукъ.

— А на войну-то послали какъ, продолжалъ интересоваться старикъ.

— Своею охотою, дѣдуся. Пришелъ это значить къ воинскому и доложилъ, такъ и такъ молъ, покорнѣйше прошу назначеніе сдѣлать, въ дѣйствующую армію.

— Ну и что?

— Да ничего, слава Богу, вернулся живъ и здоровъ.

— А стрѣлялъ-то какъ? не унимался оживившійся старикъ.

— А вотъ какимъ манеромъ, вотъ такъ.... и Василий Гринь согнулъ свою лѣвую руку для упора, показавъ вмѣсто кисти зарубленный обрубокъ.

— Ишь ты, вояка! мотнувъ сѣдою, какъ лунь, бороною, шамкалъ старикъ.

— Молодчина ты, Василий, недаромъ нашего полка, сказалъ сидѣвшій на сосѣдней скамейкѣ сослуживецъ его по седьмой ротѣ, запасный унтеръ-офицеръ Жукъ.

— Вотъ рота поди обрадуется, какъ увидить тебя-то, наконецъ, Гринь, степенно вставилъ громадный, видный бывшій унтеръ-офицеръ 2-й роты, Трофимъ Набокинъ, не пропускавшій ни одного полкового праздника.

— Я бы и раньше пріѣхалъ, такъ служба не позволяла, швей-

царомъ служилъ, значить, да опять же проѣздъ дорогой. Да вотъ теперича господа офицеры вспомнили и на дорогу отпустили....

Остановка.

— Поѣздъ простоятъ двадцать три минуты! выкрикивалъ на маленькой, почти пустынной, станціи какой-то голосъ.

Въ открывшіяся двери ввалился новый пассажиръ, мѣстный станціонный жандармъ, тоже бывшій солдатъ полка, Витреченко и, увидѣвъ своихъ сослуживцевъ, радостно протягивая руки, бросился цѣловать ихъ.

Поѣздъ тихо тронулся, чтобы снова долго простоять на слѣдующей большой станціи, связывающей внутреннія линіи черноземной полосы и принять новыхъ, спѣшащихъ на полковой праздникъ пассажировъ, во главѣ съ важно сѣвшимъ во II-й классъ бывшимъ фельдфебелемъ первой роты, нынѣ приставомъ Козловымъ.

Полковникъ въ отставкѣ Траткевичъ печально поглядывалъ на свои разбитыя параличемъ ноги, грустно сидя въ креслѣ у открытаго настежь окна маленькаго одноэтажнаго домика на далекой, далекой окраинѣ. Тоскливыя мысли не покидали его.

Вотъ сколько ужъ лѣтъ, какъ не посѣщалъ онъ полка. За годъ до смерти единственнаго сына-однополчанина. Какъ онъ усталъ, утомился жизнью вдали отъ родного полка! Сегодняшній день, канунный день полковыхъ именинъ, особенно тяготитъ его, и особенно ноютъ сегодня его старыя кости, тоскуетъ полковое сердце.

И кажется ему, что въ окошко его несется не разноязычный гомонъ чужого города, а лагерный знакомый шумъ наканунѣ полкового торжества, радостнаго пробужденія....

— Дѣдушка, раздался возлѣ него голосъ его единственнаго внука, маленькаго кадетика, пора въ полкъ телеграмму посылать; сегодня канунъ полковыхъ именинъ!

Старый полковникъ очнулся.

— Да, да, Андрюша. Спасибо, мой мальчикъ. Давай писать.

Но перо не слушается старческой больной руки, мысли путаются, взволнованныя воспоминаніями.

— Дѣдушка, дай я буду писать, а ты диктуй.

Проходить долгая минута. Полковникъ собираетъ съ мыслями.

Потомъ, не чуждый поэзіи дѣдъ диктуетъ внуку:

«Какъ страшно хочется быть съ вами,
Вы не повѣрите друзья,
Но воля выше есть надъ нами
И ей, какъ всѣ, смирюсь я».

— Дѣдушка, дорогой дѣдушка, ну не плачь, не надо. Ты знаешь, дѣдушка, я теперь буду хорошо учиться, стараться, кончу корпусъ, училище и выйду въ нашъ полкъ: твой и папинъ полкъ.

— Андрюша мой! И полковникъ, охвативъ голову внука, сталъ горячо ее цѣловать.

Мимо памятника-колонны основателю полка—дара бывшихъ офицеровъ ко дню многолѣтняго его юбилея, торопливо спѣшить группа бывшихъ однополчанъ въ маленькую скромную полковую церковь, сплошь залитую огнями, свѣтъ отъ которыхъ падалъ на мраморныя траурныя доски, тѣсно исписанныя фамиліями, павшихъ въ бояхъ офицеровъ полка.

Шла панихида.

Церковь наполнена офицерами и нижними чинами, молящими за героевъ родного полка, павшихъ на полѣ брани, положившихъ животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество.

Священникъ читаетъ евангеліе, молится горячей и вдохновенной молитвой за старыя ушедшія поколѣнія, славнаго прошлаго....

Въ офицерскомъ собраніи весело и шумно. Идетъ многолюдный товарищескій ужинъ. Дѣлятся воспоминаніями, впечатлѣніями, говорятъ о полкѣ, полкѣ и полкѣ....

Имъ все полно теперь; всѣ теперь заняты имъ и въ собраніи, и въ домѣ командира полка, и въ офицерскихъ баракахъ, и въ ротныхъ канцеляріяхъ, и въ бѣлыхъ солдатскихъ палаткахъ, и въ переднемъ караулѣ на серединѣ полка, передъ которымъ акуратно разставлены въ запасныхъ бѣлыхъ стойкахъ, съ особыми почестями перенесенные изъ полкового музея, старыя знамена и серебряныя трубы.

Въ густомъ тѣнистомъ саду офицерскаго сада откуда-то уже появились пѣсенники; они привѣтствуютъ собравшихся однополчанъ старою полковою задумшевною пѣснею:

«Гремятъ барабаны, Н-цы идутъ,
 Про жизнь боевую, про славу поютъ,
 Ихъ строй богатырскій, желѣзной стѣной,
 Впередъ набѣгаетъ девятой волной,
 Ихъ крикъ предъ атакой—раскатъ громовой...
 Не мертвъ: такъ герой!»

Между тѣмъ уже надвигается вечеръ. Съ поля въ открытыя окна врывается свѣжій вечерній вѣтерокъ, полный пряныхъ ароматовъ сада и сильнаго запаха скошенныхъ полевыхъ травъ, съ

приготовленной для парада зеленой обширной площадки съ громаднымъ высокимъ шатромъ.

Какъ хорошо! Какъ пріятно и легко дышится здѣсь, среди этихъ длинныхъ, столовъ, за которыми сейчасъ все бывшее и будущее полка, все свое, родное, близкое, дорогое. Какой дружеской поэзіей, какой прелестью, звучитъ все это! Такъ и хочется встать съ своего мѣста и, поднявъ бокаль, закричать свое молодое, пламенное «ура»,.. но здѣсь, какъ вездѣ, тоже есть свое «но»: надо тихо сидѣть на своемъ скромномъ поручичьемъ мѣстѣ и думать о величіи полка, не нарушая строго заведеннаго традиціоннаго порядка, не позволяющаго говорить что-либо, пока не подниметъ за полкъ свой бокаль старѣйшій изъ присутствующихъ офицеровъ полка.

Это сдерживающее начало, эти старыя, убѣленные сѣдинами, однополчане наши, эти слетѣвшіеся со всѣхъ концовъ крѣпкіе столпы изстари заведенныхъ и свято хранимыхъ полковыхъ традицій и эта боевая пѣснь создавали особо заманчивое, захватывающее нестроеніе....

Раннее утро полкового праздника застаетъ полкъ особенно принарядившимся, радостно настроеннымъ.

Весело вѣютъ многочисленныя флаги, ласкаютъ глаза гирлянды свѣже-сорванной зелени, бѣлѣютъ пирамиды съ гербомъ полка, пестрѣютъ щиты и транспаранты. Всюду посыпано свѣжимъ пескомъ, нарядно, весело....

Строятся роты. Вездѣ слышны звонкія привѣтствія ротъ на поздравленіе своихъ офицеровъ и старыхъ однополчанъ, прежде служившихъ въ этихъ ротахъ. Блестя на солнцѣ инструментами, прошла музыка.

Двинулись роты, производя замѣтное впечатлѣніе на группу полковыхъ стариковъ своимъ бодрымъ молодеватымъ видомъ.

Суетился полковой адъютантъ, разставляя (съ помощникомъ своимъ) ротныхъ линейныхъ съ красивыми значками.

На громадной зеленой площадкѣ построились въ баталіонныхъ резервныхъ колоннахъ роты; на лѣвомъ флангѣ стояла чуть ли не цѣлая рота преждеслужившихъ нижнихъ чиновъ.

Раздалась команда «смирно». Здоровались командиры баталіоновъ... Подравнивались роты, становясь въ затылокъ; быстро принимали люди въ ту или другую сторону, смотря по тому, куда командовали: такой то влѣво! Еще! Довольно. Вправо—въ такой то ротѣ! Много! Еще! Стой! и такъ дальше въ томъ же духѣ.

«Смирно!»

Старшій полковникъ здоровається съ батальонами, на диво выравненными въ затылокъ и по фронту, и, обойдя замершій полкъ, командуєть «смирно» командиру полка, подходящему съ праваго фланга, вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ.

Командиръ полка тихо прошелъ въ сопровожденіи адъютанта вдоль строя, внимательно вглядываясь въ лицо каждаго солдата, его обмундированіе, стойку, поставъ головы. Обходъ конченъ. Командиръ полка выходитъ на средину и комадуєть:

«Полкъ, подъ знамена, слушааай на крааа-уль!»

Какъ одинъ человекъ взяла тысячная громада на караулъ.

Поле наполнилось военнымъ шумомъ... Забали барабаны, зазвучали знакомые звуки полкового марша; торжественно двинулся цѣлый взводъ старыхъ, истрепанныхъ, видѣвшихъ и пержившихъ сѣдую славу полка родныхъ знаменъ, съ новымъ полковымъ знаменемъ и старымъ полуистлѣвшимъ безъ древка, свернутымъ въ трубку, перевитую георгіевскими лентами, знаменемъ, наиболѣе старымъ изъ сохранившихся нашихъ знаменъ, впереди. Рѣдкая трогательная минута!

Замершій полкъ не спускаєть съ нихъ напряженныхъ глазъ; у многихъ дрогнуло сердце.

Знамена стали на мѣста, появились ассистенты по бокамъ.

«Полкъ, къ ноо-гъ!» «Равняйсь!» «Смирно!»

По старшинству подходили здороваться къ полку начальствующія лица: бригадный командиръ, начальникъ дивизіи, корпусный командиръ, помощникъ командующаго войсками округа и, наконецъ, и самъ командующій войсками, для встрѣчи котораго командиръ полка, скомандовавъ полку «смирно» и «на караулъ», подошелъ съ рапортомъ о состояніи полка.

Молебень. Обнажились головы; знамена, по командѣ адъютанта, двинулись къ аналою у громаднаго бѣлаго шатра, гдѣ въ свѣтлыхъ туалетахъ собрались уже дамы полка съ букетами цвѣтовъ, подносимыми (по обычаю) хозяиномъ собранія, и стоялъ хоръ полковыхъ пѣвчихъ.

Окончился молебень. «Пѣвчіе по своимъ мѣстамъ, шагомъ маршъ!» «Барабанчики, отбой!» «Полкъ, на-кройсь!»

Слѣдовали команды къ церемональному маршу, самый маршъ со знаменами впереди и рядомъ преждеслужившихъ нижнихъ чиновъ полка.

Потомъ роты стали на свои мѣста и, послѣ похвалы за цере-

моніальный маршъ, командующій войсками провозгласилъ здравицу съ рюмкой водки, подносимой по обычаю старѣйшимъ изъ нижнихъ чиновъ полка, почетнымъ старикомъ Яковомъ Чайкой, за Его Императорское Величество и Августѣйшую семью, за шефа полка за славу полка, почетныхъ гостей, бывшихъ и теперешняго командира полка.

Командиръ отвѣчалъ здравицей за командующаго войсками.

Парадъ окончился. Роты расходились по своимъ палаткамъ, чтобы, поставивъ ружья на мѣста, построиться и идти въ разукрашенные флагами и зеленью баталіонныя кухни, гдѣ на большихъ столахъ, покрытыхъ чистыми скатертями, стоялъ особый парадный обѣдъ и гдѣ, вмѣстѣ съ молодыми солдатами, сидѣли издалика прѣхавшіе на праздникъ преждеслужившіе сткрики и ветераны полка, увѣшанные медалями и крестами за турецкую войну, и куда приходилъ командующій войсками послѣ парада, чтобы попробовать пищу въ баталіонахъ, а послѣ этого направиться въ собраніе, на парадный обѣдъ.

Хорошо было въ собраніи, гдѣ шелъ оживленный безконечный обѣдъ: хорошо было за длинными столами, уставленными стариннымъ серебромъ, юбилейными подарками, громаднымъ художественнымъ *surtout de table*—подаркомъ шефа полка, подношеніями братскихъ полковъ; хорошо было за этими столами, сплошь забросанными цвѣтами полей и уставленными вазами съ фруктами; хорошо былъ обѣдъ, гдѣ блюда носили различныя историческія названія; хорошо игралъ большой струнный оркестръ; хорошо было на душѣ у молодежи, впервые переживавшей именины своей части; хорошо было на сердцѣ у стариковъ, вспоминавшихъ свою золотую молодость; хорошо было, когда говорились горячія, задушевные рѣчи.

А послѣ обѣда, на большой площадкѣ впереди полка, были устроены солдатскія игры; традиціонный столбъ съ подарками; поросенокъ въ глубокой ямѣ, котораго нужно было достать, пройдя стоя по скользкому, дрожащему бревну и спустившись въ яму по веревкѣ, не дотрогиваясь до земли ногами (забавный, вызывающій много смѣха и ядовитыхъ мѣткихъ остротъ №); бѣгъ въ мѣшкахъ въ перегонки и бѣгъ въ 4 ноги; битье горшковъ съ завязанными глазами, причемъ, предварительно, участника этого приза вертѣли волчкомъ, чтобы сбить его съ должнаго направленія, послѣ чего только, давали ему въ руки дубинку; отыскиваніе на скорость своихъ собственныхъ, тутъ же при всѣхъ снятыхъ сапогъ въ стогѣ

сѣна; преодоленіе искусственныхъ препятствій и много другихъ забавныхъ и увлекательныхъ призовыхъ упражненій, въ награду за безукоризненное исполненіе которыхъ были различныя предметы солдатскаго обихода: подметки, щетки, подтяжки, портсигары, почтовая бумага, табакъ, зеркальца, бритвы, а за большія и трудныя упражненія: сапоги, гармоника, часы и т. п. Перетягиваніе ротъ съ помощью толстой веревки; побѣдившей ротѣ выдались: большіе стѣнные часы, музыкальные принадлежности, футбольные мячи и т. п.

Фокусникъ на столѣ показываетъ свои нумера, на открытой сценѣ; поражаютъ своимъ искусствомъ акробаты, танцоры, шпаглотатели и т. п.

Кругомъ шумное веселье, неудержимый солдатскій смѣхъ, громкіе знаки одобренія, подбадриваніе удалцовъ, достающихъ призы; непринужденъе полное.

Среди солдатъ видны веселыя, смѣющіяся лица молодыхъ офицеровъ, направляющихъ ходъ и порядокъ солдатскихъ игръ, масса городскихъ гостей, солдатъ чужихъ полковъ и бывшихъ однополчанъ. Кругомъ праздничное веселье, праздничныя лица, улыбки; играютъ два оркестра приглашенной музыки. Солдаты лущатъ сѣмечки, грызутъ орѣхи, острятъ, смѣются, балагурятъ и веселятся во всю.

Вокругъ капитана В. ходитъ толпа солдатъ и носятъ отбитые его ротою призы; капитана Т. тоже окружили солдаты; его ротѣ снова посчастливилось и она, перетянувъ, получила огромный кожаный мячъ для игры въ футболъ.

Темнѣетъ. Впереди, въ полѣ готовится фейерверкъ мастеромъ на всѣ руки поручикомъ О.; зажглись уже смоляныя бочки, освѣтилось собраніе, гдѣ накрывали столъ къ товарищескому ужину, этой неофициальной и наиболѣе сердечной части полкового праздника, затягивающейся далеко за полночь.

Праздникъ догоралъ. Густѣли тѣни, огненнымъ дождемъ брызнули блестящіе фонтаны, завертѣлись мельницы, разорвались ракеты, засіяли переливчатымъ каскаднымъ огнемъ громадныя транспаранты, неожиданной вспышкой магія освѣтилась большая историческая картина — первый день полка.

Огни догорали уже среди спустившейся темной ласковой ночи; на небѣ, вмѣсто обычныхъ дождевыхъ тучъ, часто сопровождавшихъ конецъ праздника, ярко раскинулись причудливыя узорчатыя звѣздныя сѣти; солдаты расходились по палаткамъ; звонко зву-

чалъ сигнальный призывъ къ вечерней трапезѣ; обмѣниваясь впечатлѣніями, весело шли старики... У полковыхъ знаменъ и регалій съ неподвижно замершимъ точно изваяннымъ часовымъ толпится группа солдатъ и преждеслужилыхъ инвалидовъ полка, съ маленькимъ сгорбленнымъ старичкомъ съ орденской ленточкой въ петлицѣ, внукомъ его бравымъ станціоннымъ жандармомъ съ 4 степенями отличія Военнаго Ордена за послѣднюю войну, Василиемъ Гринемъ, подпрапорщикомъ Гаврииломъ Цыбульскимъ и Яковомъ Чайкой впереди. Маленькій, сгорбленный, опирающійся на палку старикъ все время наклоняется къ внуку своему и къ молодымъ, жадно ловящимъ каждое его слово любопытнымъ лицамъ солдатъ, что-то рассказывая тихимъ медленнымъ голосомъ и показывая головою и тусклыми, выцвѣтшими глазами на ветхое знамя...

Это знакомецъ нашъ, пріѣхавшій издалека вмѣстѣ съ внукомъ своимъ, передаетъ подъ нахлынувшими на него воспоминаніями, памятные эпизоды полковой славы. Солдаты жадно слушаютъ, глаза ихъ загораются задорнымъ огонькомъ, брови строго хмурятся, загорѣлыя мозолистыя руки крѣпко сжимаются въ энергичный кулакъ.

Наступила ночь. Въ ярко освѣщенномъ собраніи шелъ товарищескій, прощальный ужинъ; оттуда доносился глухой неясный шумъ разговора и задорно-веселые обрывки музыкальныхъ фразъ.

И когда, наконецъ, старшіе однополчане и командиръ полка встали изъ за второго стола, гдѣ была сервирована неутомимымъ хозяиномъ собранія десертная часть ужина и гдѣ стояло кофе съ ликерами, вино, фрукты и узорныя граненыя тарелки съ жаренымъ и густо обсыпаннымъ крупной солью миндалемъ, новый мѣсяцъ уже давно медленно плылъ по начинавшему свѣтлѣть предутреннему небу...

И въ то время, когда съѣхавшіеся на праздникъ старые однополчане медленно двигались по широкимъ каштановымъ аллеямъ къ пріютившимъ ихъ баракамъ, веселая подвижная молодежь, шумно рѣшала вопросъ, куда теперь ѣхать?...

А. Лангъ.

